

Михаил Делягин, директор Института проблем глобализации, д.э.н.

ТРЕТИЙ СРОК ПУТИНА

ЕСТЬ ЛИ У РОССИИ ШАНС ИЗБЕЖАТЬ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА? КАКОВЫ ИТОГИ ПРЕЗИДЕНТСТВА МЕДВЕДЕВА? ЧТО ОЖИДАТЬ ОТ ТРЕТЬЕГО ПРЕЗИДЕНТСКОГО СРОКА ПУТИНА?.. ОБ ЭТОМ РАЗМЫШЛЯЕТ ИЗВЕСТНЫЙ ЭКОНОМИСТ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИТИК МИХАИЛ ДЕЛЯГИН, УЧАСТВОВАВШИЙ В РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ДИСКУССИОННОГО КЛУБА «ВАЛДАЙ» В КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ И МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО БЕЗОПАСНОСТИ В ЕВРОПЕ В ПРАГЕ.

С легкой руки нескольких журналистов 2000-е годы стало модно сравнивать с годами брежневского застоя. Однако, оглядываясь назад и сопоставляя эпохи, мы понимаем: это либо неоправданный комплимент, либо аккуратная лесть нынешним властителям. Ведь эпоха застоя была временем активного развития производств и технологий, повышения уровня жизни (несмотря на потребительский кризис 1979-1981 годов, вернувший в страну карточки) и в целом довольно эффективного, добросовестного и гуманного (по сравнению с сегодняшним) государственного управления. 70-е годы были временем недостаточно быстрого прогресса (уже тогда, чтобы просто стоять на месте, надо было быстро бежать вперед), но сравнивать их с последней четвертью века, с временем национального предательства и ускоренной комплексной деградации страны так же странно, как простуду с туберкулезом.

Другой интеллектуальной модой последних лет стали истошные разговоры о модернизации, производящее на неподготовленного человека впечатление какой-то неуместной шутки, порой скатывающейся в непристойность.

К сожалению, это слово так и не было подкреплено никакими делами, что дискредитировало его и превратило за годы президентства Медведева в хотя и относительно новое, но достаточно грубое и оскорбительное ругательство.

Напомню, - потому что об этом почти все уже забыли, - что перед началом своего президентства Медведев торжественно провозгласил в качестве приоритетов четыре «И»: институты, инфраструктуры, инновации и инвестиции. Затем к ним было добавлено пятое «И» - интеллект.

Пора подвести итоги: с ними случилось то же самое, что и с другими медведевскими приоритетами, воплощенными в печально известных «национальных проектах». Они остались словами, практически не подкрепленными реальной работой, и не случайно Путин лукаво оговорился, что Медведев сможет возглавить

правительство лишь в случае успеха «Единой России» на выборах – при том, что критерии успеха Путин будет определять сам.

Правда, с критериями успеха неладно во всем мире, стремительно меняющемся в ходе адаптации социальных отношений, соответствующих индустриальным технологиям, к технологиям постиндустриальным. Саркози, например, обнаружил, что ВВП в эпоху глобальных монополий перестал выполнять свою роль показателя успешности. Не зная, как измерять успех, каким критерием отличать его от поражения, мы лишаемся и понимания того, к чему надо стремиться, - а еще Сенека говорил: кто не знает, куда плывет, тому нет попутного ветра.

Возвращаясь к медведевским «И», отметим очевидное: все виды институтов целенаправленно и последовательно разрушаются до такой степени, что государственный строй России называют «паханатом». Это уничтожение вполне логично – ведь по самой своей природе большинство институтов мешают разворовыванию и разграблению страны, создавая неприемлемые ограничения для правящего класса.

Инновации остались преимущественно пропагандой, за исключением ряда весьма странных идей, последней из которых стала всеобщая игра в бадминтон. А отмена зимнего времени? – мало того, что страна теперь вынуждена жить по времени, максимально, на два часа отличающемся от природного, что максимизирует ущерб, наносимый этим отклонением организму, так это еще и привело к сбоям в электронных календарях, включая любимые Медведевым айфоны. Людям, которые не способны подумать даже о столь близких к их интересам последствиях их же собственных действий, лучше не думать вообще.

Торжественно провозглашались в качестве инноваций цифровое телевидение, переход на которое откладывался несколько раз и в итоге был отложен на послемедведевское время, широкополосный Интернет (вполне успешно развиваемый бизнесом своими силами) и, наконец,

замена «лампочек Владимира Ильича» «лампочками Леонида Ильича» - лампами дневного света, экологически вредными и не приспособленными к последствиям реформы электроэнергетики в виде сильных скачков напряжения. О наличии светодиодов, которые являются подлинно инновационной технологией в этой сфере в Твиттере президенту, вероятно, просто не написали: много букв.

При этом масштаб всех этих начинаний совершенно не соответствовал первоначальной громоподобной риторике.

Следующее медведевское «И» - инвестиции, которые так и не восстановились после кризиса конца 2008 – начала 2009 годов. При этом около 95% того, что официально считается российским государством иностранными инвестициями, на деле представляет собой кредиты, в том числе и краткосрочные, на срок менее полугода.

Что же до интеллекта, то утечка мозгов, насколько можно судить, именно в последние годы, именно в президентство Медведева превратилась в их паническое бегство, - и Медведев продекларировал, что не видит в этом проблемы.

Конечно, имеются и успехи, и много локальных улучшений, вызванных в первую очередь высокими доходами экспортеров, включая импорт сложных потребительских товаров и технологий.

Но своим масштабам колоссальному замаху на модернизацию, продемонстрированному Медведевым, соответствовало только одно действие – создание технополиса «Сколково».

ИТОГИ МЕДВЕДЕВА: «СКОЛКОВО»?

С советских времен в России осталось много наукоградов, которые работают – лучше или хуже, но работают. И не только самый простой, но и самый логичный, самый эффективный путь создания центра модернизации заключался в опоре на один, а лучше – несколько из них.

Однако Медведев выбрал иной путь: «Сколково» создается «с нуля». Конечно, не с «большого нуля»,

возникшего в Нью-Йорке после 11 сентября 2011 года, но со вполне симпатичного нулика в 5 километрах от Москвы. В пяти километрах, по которым, напомним, очередные модернизаторы всея Руси даже не смогли проложить приличную дорогу: не кто-нибудь, а сам Медведев был вынужден признать, что за полтора года эксплуатации дорга практически пришла в негодность.

Резиденты «Сколково» (что в силу характера проекта все более напоминает «резидентов» популярного «Комеди-клуба») получили колоссальные привилегии, по сути дела выведшие их из российской юрисдикции. Не только почти все значимые российские законы, но даже и сам русский язык не применяются в «Сколково». В нем предусмотрены специальный суд, специальная полиция.

При всем этом резиденты «Сколково» не обязаны находиться на его территории физически. Их производства и даже офисы могут располагаться где угодно в России. По сути дела, «Сколково» - не территориальная зона развития, а механизм предоставления колоссального набора значимых льгот, в том числе налоговых, своего рода аналог оффшорной зоны «Ингушетия», созданной в 1994 году, когда началась первая чеченская война.

Хотелось бы знать, какую войну и с кем мы ведем сейчас, потому что чрезвычайный масштаб и характер предоставления льгот может быть оправдан лишь чрезвычайными же обстоятельствами.

И, вероятно, не случайно в руководство «Сколково» вошли такие бизнесмены, известные различными неоднозначными операциями, как российский олигарх Вексельберг и американский инвестиционный банкир сайдер Гупта (находящийся в настоящее время под судом за масштабную инсайдерскую деятельность, которая в США считается исключительно тяжелым преступлением).

В нашей стране архаичные коррупционные механизмы подавляют развитие технологий несравнимо сильнее, чем советское

централизованное планирование. Поэтому новые технологии практически не развиваются и, за редкими исключениями, только подчеркивающимися правило, не применяются. Дополнительным фактором их подавления является этническая политика государства, также в основном мотивированная коррупцией: грубо говоря, зачем нужен экскаватор, когда под рукой всегда находится неограниченное количество несравнимо более дешевых «трудолюбивых соотечественников»?

В силу этого объективно обусловленного отсутствия спроса на новые технологии российские и глобальные корпорации, включая даже «Боинг», регистрируют в «Сколково» - просто для получения предоставляемых им невообразимых льгот – свои подразделения, которые, как правило, уже работают в России. Исключения из этого правила, конечно, есть, но они не являются базовой тенденцией, и лишь ограниченное количество иностранных компаний может прийти в Россию специально ради преимуществ «Сколково».

Но это отнюдь не значит, что проект «Сколково» неудачен.

Наоборот, это блистательный по своей эффективности проект, - просто не надо путать его реальные цели с официально заявляемыми.

Прежде всего, этот проект является пиаром Медведева. Обратите внимание: его до сих пор обсуждают всерьез, - а для пропаганды этого вполне достаточно.

Во-вторых, что великолепный девелоперский проект, превративший окрестности картофельного поля на краю мегаполиса в подлинное «золотое дно». И, разумеется, эта резко подорожавшая недвижимость была заблаговременно скуплена правильными людьми, тесно связанными с даже не пожелавшими ради сохранения минимума приличий скрыть свое участие организаторами проекта.

И, наконец, в «Сколково» отрабатывается уникальная модель частного государства как государства нового типа, призванного прийти на смену отвергаемому либералами

социальному государству (да, конечно, оно закреплено в Конституции, но кто сказал, что российские власти ее читали, а если читали – отвергают в ней исключительно 31-ю статью?) Вся полнота реальной власти в «Сколково» принадлежит совету инвесторов, и даже само российское государство имеет доступ к этой власти не как государство, а лишь как один из крупных инвесторов.

Формирование частного государства – один из важных трендов современного мирового развития, и Россия может стать реальным лидером этого процесса, да вот незадача: такое государство очень сложно назвать «модернизацией» - напротив, это движение в прошлое, в непроглядный мрак «Темных веков» раннего Средневековья.

Таким образом, мы видим: в современной России нет места модернизации.

И отнюдь не только из-за специфики, как говорят в США, альтернативной управленческой эффективности Медведева.

УНИКАЛЬНОСТЬ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Если мы хотим понимать причины своих неудач и тем более свои перспективы, мы должны понимать внутреннее устройство своей страны и своего государства.

Если мы исходим из традиционного восприятия государства как общественной структуры, искренне стремящейся к общественному благу (хотя иногда и подворывающей в процессе его достижения), нам придется вслед за нашей интеллигенцией, счастливо сочетающей поразительно долгую политическую жизнь с поразительно короткой политической памятью, говорить о 25 годах непрерывных ошибок.

Однако ошибка, которая продолжается на протяжении четверти века – жизни целого поколения, в течение четырех совершенно разных президентств, - это даже не политика.

Это уже стратегия, которая может осуществляться столь долго и

последовательно лишь в результате полного соответствия объединенным интересам наиболее влиятельных групп общества.

Поэтому речь, вероятно, не в том, что государство постоянно делает ошибки, а в том, что мы просто путаем доминирующую в нем мотивацию. Это не общественное благо: это личное обогащение, причем любой ценой.

В отличие от обычного государства ключевая часть наших государственных деятелей, насколько можно судить, искренне веруют в то, что реальным смыслом существования российской государственности является их персональное личное обогащение, а общественное благо и тем более демократия – это просто «враждебная пропаганда Голливуда».

Эта массовая (именно в ключевом для судеб страны слое политиков и чиновников) вера делает коррупцию, насколько можно судить, основой государственного строя современной России. Это делает возможным борьбу с коррупционерами – и, действительно, за президентство Медведева под уголовные дела попало около 35 тысяч потенциальных коррупционеров, - но ни в коем случае не с самой коррупцией, ибо подрыв основ государственного строя – тягчайшее государственное преступление. В этих условиях борьба с коррупционерами ведется, по-видимому, в значительной степени просто ради перераспределения коррупционных финансовых потоков.

Это уникальный тип государственности: Пол Пот и Махатма Ганди отличаются друг от друга меньше, чем от него. Чудовищный изувер, истреблявший собственный народ, и святой искренне стремились, хотя и диаметрально противоположно понимая его, к благу собственных народов.

Для критически значимой части российского правящего класса эта мотивация, насколько можно понять, остается недостижимой.

Историки прошлого не успевали описать, а часто и заметить подобные государства: есть диагнозы, которые несовместимы с жизнью почти мгновенно. Наше государство

существует так долго благодаря уникальной рыночной конъюнктуре и столь же уникальному терпению русского народа. Все наши президенты – от Гобачева до Медведева и опять Путина – имеют значительно больше оснований пить за его терпение, чем даже Сталин.

Коррупция как основа политической системы России не просто не позволяет исправить пороки ее социальной и экономической системы, но и возводит их в принцип.

Прежде всего, это незащищенность собственности, которая является потенциальной жертвой коррупционеров или уже основана на коррупции.

Во-вторых, это тотальный произвол монополий, так как монополии будут иметь больше денег для взяток, если им будет дарована возможность свободно злоупотреблять своим монопольным положением.

В-третьих, коррупционеры вывозят награбленное в фешенебельные страны и потому не могут конфликтовать с ними. Россия не может строить много новых заводов, не может осуществлять модернизацию, так как это неминуемо отберет часть прибыли и рабочих мест у развитых стран, правительства которых немедленно возьмут представителей правящего класса России за их самую чувствительную часть тела – за кошелек.

Таким образом, российские коррупционеры работают в интересах развитых стран и базирующегося в них глобального бизнеса против российской экономики, - и, соответственно, российское государство работает против народа России.

Коррупционеры не нуждаются в модернизации, и коррупция убивает ее возможность.

Коррупция ведет к подлинной эпидемии безответственности – не только из-за уничтожения образования и, соответственно, исчезновения специалистов, но и из-за подражания руководству без учета его вероятной и невидимой деятельности по урегулированию коррупционных потоков. Ведь в России в условиях

объективно обусловленной слабости законов, институтов и традиций реальное управление, определение повестки дня, системы приоритетов и даже моральных норм определяется путем простого, но массового подражания руководству. Основное занятие коррумпированной части правящего класса – управление коррупционными потоками – по понятным причинам невидимо для подчиненных: они видят лишь, что их начальство исполняет свои формальные обязанности, по сути дела, в свободное время. И люди массово начинают подражать своим руководителям, «забив на все» даже в критических обстоятельствах: примеры тому дала и ликвидация «ледяного дождя» в начале этого года, и трагедия «Булгарии», и многие другие события.

Важный результат тотальной коррупции – снижение уровня жизни и рост и без того чудовищного разрыва между богатыми и бедными. По данным официальных исследований, минимальный экономический рост, позволяющий поддерживать социально-политическую стабильность сложившейся в России общественной модели, составляет 5,5%. Иначе для всех значимых «групп влияния» просто не хватит денег, и они вульгарно передерутся друг с другом, дестабилизировав этим все общество.

По указанным выше причинам минимально необходимый темп экономического роста непосилен российской экономике. И мы видим результат этого – снижение, несмотря на уникальную благоприятность внешней конъюнктуры, реальных доходов населения и рост численности нищих (которых официальная статистика стыдливо именуется «людьми с доходом ниже прожиточного минимума», а официальная пропаганда – «бедными»).

Ведь среди всех групп влияния население обладает наименьшими реальными правами и потому первой становится жертвой неудовлетворенных аппетитов других групп, когда «пряников сладких» начинает не хватать на всех особенно остро.

Либеральные реформы уничтожают социальную сферу России отнюдь не

случайно. Ведь для поддержания конкурентоспособности, да еще в условиях глобального кризиса надо снижать национальные издержки – это аксиома. Но снижение наименее оправданных и технологически наиболее легко «убираемых» коррупционных издержек невозможно по политическим причинам, так как они являются основой процветания и влияния правящего класса. Поэтому для «оптимизаций» все мастей, то есть беспощадного урезания остается лишь социальная сфера, – а уничтожение образования, здравоохранения и культуры, как мы слишком хорошо видим на примере нашей страны, делает модернизацию невозможной даже в теории.

В этих условиях модернизация с самого начала была для Медведева лишь способом обозначить свое принципиальное отличие от Путина.

Не случайно сейчас, когда Медведев дискредитировал себя («рокировку тандема» уже сравнивают с перестановкой батареек в пульте управления: перемена местами ее полюсов ведет к тому, что пульт перестает работать), вновь раздались официальные разговоры о необходимости забытой было за треском модернизационных разговоров стабилизации.

Пока нефть и другие виды сырья будут оставаться дорогими, эта ситуация будет оставаться грандиозным подарком для развитых стран, Китая и, строго говоря, всех экономических партнеров России, до Бангладеш включительно: все они получают существенные прибыли на нашем рынке.

А деньги, которые Россия не тратит на модернизацию, поддерживают финансовые системы США и Евросоюза.

Несмотря на изложенное, я глубоко убежден, что мы сумеем вернуться от реформ к нормальности, оздоровить государство и переориентировать его со службы глобальным рынкам на реализацию интересов собственного народа, с разграбления страны на ее развитие, с утилизации советского наследия на модернизацию.

Путь к этому ведет только через кризис, - но кризис этот может быть разным.

ПРОТЕКАНИЕ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА

Из поставленного диагноза вполне естественно вытекает прогноз: наиболее вероятно коррупционное гниение до срыва в комплексный системный кризис, для которого характерна утрата контроля государства за всеми важнейшими сферами жизни. Не революция, которую блокирует довольно эффективная постоянная превентивная зачистка и разложение оппозиции, а также недостаток неисламской молодежи (потому что поведение заметной части исламской молодежи служит фактором как раз укрепления власти, так как консолидирует общество вокруг государства как единственного хотя бы потенциального спасителя от резни), - но мучительная смута, хаос.

Сценарий системного кризиса невозможно определить заранее, так как он будет всецело зависеть от фактора или комбинации факторов срыва в него. Таких факторов сегодня четыре - и ни один из них не поддается даже количественной оценке.

Прежде всего, это падение мировых цен на нефть. Мы хорошо помним, что за все 2000-е годы спрогнозировать их два раза подряд не удалось никому. Однако в случае «сжигания» безнадежных долгов, накопленных развитыми странами, - например, в случае теоретически возможного технического дефолта США накануне президентских выборов, - удешевление нефти, как и других спекулятивных активов, будет быстрым и долгим.

Второй возможный фактор срыва в системный кризис - масштабная техногенная катастрофа из-за износа советской технологической инфраструктуры. Оценить вероятность этого почти невозможно, так как главным процессом здесь является не физический износ, а воровство на ремонте, почти не поддающееся оценке.

Может привести к системному кризису и «обострение дружбы народов выше обычного» практически в любой форме, - например, в форме реализации идеи очередной «великой Албании» «от моря до моря» и до Волгограда.

И наконец, причиной слома сгнившей общественной системы может стать внутренний ценностный, идеологический конфликт между кланами «либералов», истово верующих, что человек существует для материального потребления, и «силовиков», полагающих, что смысл его жизни в самоутверждении (и желательно за счет других).

Однако практически в любом случае в результате системного кризиса правящий класс в массе своей уедет в свои европейские, американские и (в существенно меньшей степени) азиатские и австралийские поместья. Человеку свойственно верить в то, что он разрушает, - и, подобно уголовникам, поющим сентиментальные песни о маме, в реальной жизни часто вбитой ими в могилу, российский правящий класс в массе своей верит в неприкосновенность своей неряшливо отмытой собственности на Западе.

В результате массового отъезда правящего класса его позиции захватывают представители 3-4 уровня бюрократии и бизнеса, уже сейчас разъяренные от необходимости делать заведомо бессмысленные или прямо вредные вещи. Интересно, что, по ряду наблюдений, максимальная ненависть к руководству «Единой России» наблюдается отнюдь не у отморозенной оппозиции, а на среднем уровне ее же регионального руководства, - квалифицированных, умных и энергичных людей, вынужденных заниматься разнообразными клоунадами и прекрасно понимающих свою роль.

Эти люди придут во власть далеко не только из патриотических соображений; часть из них испытывает все прелести кризиса среднего возраста, а большинство так и вовсе захочет наворовать столько же, сколько предыдущее поколение. Ведь уезжать на пенсию хорошо в поместье, а в небольшую квартиру, пусть даже

и, например, в Венеции, - элементарно скучно.

Однако, придя к власти, они окажутся перед необходимостью спасти страну, восстанавливая распавшуюся систему управления – пусть даже и не для страны, а для возможности будущего воровства. Но в процессе стабилизации ситуации, заглянув в зияющую черноту небытия, они на всю оставшуюся жизнь поймут невозможность пренебрежения общественными интересами, так как это пренебрежение ведет к ужасу системного кризиса.

Ответственность будет впечатана в них не по-хорошему – демократией, а по-плохому – страхом, но мы помним эффективность этого на примере поколения Брежнева. Они навсегда запомнили, что, если готовиться к войне как-то не так, настанет 22 июня, - и вся их жизнь прошла в рамках решения сверхзадачи «лишь бы не было войны». Они вели агрессивную, жесткую политику, Советская армия воевала практически всегда, - но впечатанную в них страхом сверхзадачу они в итоге выполнили.

Так и новое поколение управленцев будет ответственно перед обществом, - а значит, будет проводить разумную государственную политику, из которой вырастет массовое благосостояние, которое, в свою очередь, обеспечит переход от примерно сегодняшнего по жесткости (но не коррупционного, а модернизационного) авторитаризма к демократии.

Дополнительным фактором, поддерживающим их, станет позиция Запада: ради простого выживания страны представителям новым лидерам России придется ущемлять интересы глобального бизнеса, действуя в рамках общей тенденции разделения глобального мира на макрорегионы, которая будет прогрессировать. С учетом мстительности ряда западных демократий это довольно быстро сделает их «невъездными» в фешенебельные страны, навязав им вынужденный патриотизм и усилив их мотивацию к обеспечению развития России.

В силу изложенного они смогут осуществить не просто модернизацию

и вполне эпическое «собрание земель русских», но и создание новой российской цивилизации («Пятой империи», по классификации А.А.Проханова), - хотя, возможно, стартовать им придется даже в худших условиях, чем после гражданской войны.

ПОЧЕМУ СИСТЕМНЫЙ КРИЗИС ВСЕ ЕЩЕ НЕ ПРЕДОПРЕДЕЛЕН

Единственная, хотя и весьма скромная, надежда на избежание системного кризиса связана, как это ни смешно в свете вышеизложенного звучит, с возвращением Путина.

Настойчивые питерские разговоры о его категорическом нежелании возвращаться, при всем своем безусловно пропагандистском характере, скорее всего, отражали реальное положение дел. В самом деле: возвращаться на старое место, к прежним обязанностям всегда элементарно скучно, а Путин, насколько можно судить, уже обеспечил себе все, о чем только мог мечтать. Да и просто опасно возвращать себя «на галеры» в условиях непредсказуемого развития мирового кризиса, - гораздо разумней иметь там кого-либо, всецело удовлетворенного «отливанием в граните», переводом стрелок и всенародной игрой в бадминтон.

Единственные причины путинского возвращения, вероятно, - страх, который быстро и полностью переломил вполне понятное стремление к сладкой жизни. Причина этого страха очевидна: практическая отмена международного права в ходе уничтожения Ливии и глобальное сафари на долговечных авторитарных лидеров, которые вдруг показались какому-нибудь подающему надежды клерку госдепартамента недостаточно проамериканскими.

Примеры Мубарака и Каддафи (еще живого в момент осуществления по-ельцински элегантно «рокировки») могли стать для Путина вполне доступными и убедительными доказательствами того, что единственный для него способ сохранить жизнь – это сохранить власть.

При всей примитивности, это исключительно сильная, а главное для нас – нерыночная и некоррупционная мотивация. И наличие такой мотивации у победителя, как мы скоро узнаем, самых демократических, толерантных и транспарентных в нашей истории выборов 2012 года вселяет некоторую надежду.

От понимания того, что сохранить жизнь нельзя без сохранения власти, остается всего один шаг до понимания того, что надежно сохранить власть можно только в сильной и успешной, а не сгнившей из-за твоей собственной коррупции стране. Ведь власть в стране, идущей по пути Ливии или Египта, отныне не может чувствовать себя уверенно. При любой лояльности «вашингтонскому обкому» в любой момент могут прилететь «волшебники в голубых вертолетах», - может быть, даже ооновских, - и начать показывать ставшее в этом году стандартным голливудское кино про плохого диктатора и хороших повстанцев. Ведь при современном темпе развития военных технологий и растущем в армии отвращении к правящим коррупционерам ядерное оружие перестанет быть фактором глобального сдерживания уже в близком будущем.

Значит, чтобы сохранить власть, надо не допустить превращения страны в аналог Ливии или Египта, - а это в современных российских условиях означает полномасштабную, комплексную, всеобъемлющую модернизацию в стиле 30-х годов. Но описанный шаг очень труден и опасен.

Прежде всего, российская модернизация, как было показано выше, прямо и непосредственно противоречит коммерческим интересам глобального бизнеса, а также развитых стран и Китая, так как неминуемо усилит и без того чрезмерно острую глобальную конкуренцию.

Но шаг к модернизации породит не только внешнее, но и внутреннее напряжение. Оффшорная, по точному определению Суркова, «аристократия» держит в развитых странах критически значимые для себя активы – от денег до детей и любовниц. В этой ситуации напряженность в отношениях с

развитым миром, возникшая из-за политики российского руководства, будет означать для этого руководства неизбежный и жесткий конфликт с ней.

Чтобы сделать шаг к модернизации, Путину придется объявить политическую войну на уничтожение всем, кто не захочет или не сможет сделать его вместе с ним. А это значит – почти всему правящему классу, всей политической системе, которую этот же самый Путин скрупулезно и заботливо, по кирпичику и по человечку, складывал на протяжении всех 2000-х годов. И в этой борьбе ему придется заново, практически на пустом месте создавать себе социальную базу и, более того, структуру власти.

Войну с правящим классом в России можно начинать, лишь опираясь на народ, в сложившейся ситуации - под лозунгами борьбы с коррупцией, и быстро формируя костяк новой власти из выдвиженцев из этого народа, быстро и жестко проверяемых в решении возникающих острейших проблем. Данный процесс, стандартный для российской истории от Ивана Грозного до Чубайса и Путина (причины чего впервые были подробно описаны российским историком А.И.Фурсовым), в условиях непрерывно «поднимающейся с колен» «вертикали власти» будет означать действительную, а не сувенирную демократизацию. Правда, он совсем не обязательно будет сопровожден восстановлением даже части формально демократических процедур, погранных в последние годы.

Конечно, подобного рода национально-освободительная война против коррупции, бюрократии и вполне колониального доминирования в России интересов глобального бизнеса будет означать для Путина глубочайшую внутреннюю ломку, самоотрицание, кардинальное изменение не только образа и стиля жизни, но и, вероятно, личностных ценностей.

При всей исключительно малой вероятности подобного развития событий она все-таки отлична от нуля. В пользу этого говорит не только возврат Путина к власти и разного

рода реконструкции его личности, но и его заявление о необходимости реиндустриализации России, оставшееся практически незамеченным (не считая, конечно, дежурных «экспертов» всех мастей, уже более десятилетия до хрипоты грызущихся из-за того, является ли Путин гениальным или только великим).

Интересно, что сделано это заявление было буквально накануне того, как Медведев резко ослабил свою риторику и начал производить впечатление рутинно «отбывающего номер», а не азартно, энергично и изобретательно борющегося за будущую власть.

Конечно, обращать внимание на слова наших руководителей, да еще в предвыборный период, просто смешно. Однако к слову «реиндустриализация» это правило не относится, - ибо первым, за два года до Путина, его произнес Ходорковский.

Для того, чтобы сказать что-то хорошее, и даже чтобы отстроиться от Медведева, деликатно намекнув на то, что айфончиком нельзя отопить дом, особенно если отключат свет, можно было найти другие слова.

Но Путин повторил самое неудобное для себя, самое враждебное себе слово, ибо понятно, что ему проще, по американскому выражению, «водить машину, засунув себе ногу в рот», чем повторять что бы то ни было за Ходорковским. Конечно, общее разложение наверняка коснулось и его аппарат, - и соответствующий сотрудник вполне мог забыть источник этого слова, а то и вовсе не посмотреть на фамилию автора статьи.

Но, если это не так, Путин сказал о реиндустриализации просто потому, что понимает ее категорическую значимость. И полное отсутствие дел здесь пока не должно ввергать в привычное уныние – начало реиндустриализации изначает начало внутренней политической войны, начинать которую до инаугурации – значит своими руками создавать неприемлемые риски для ее проведения. Это создает надежду на модернизацию – и на то, что неумолимо назревающий и давно уже

ставший необратимым кризис удастся локализовать на политическом поле.

Конечно, скорее всего, Путин просто не посмеет сказать правящему классу в стиле Тараса Бульбы: «Десять лет назад я породил вас, а теперь мне стало нужным уничтожить вас в следующем году». Конечно, скорее всего, он предпочтет продолжение медленного коррупционного гниения непресказуемому конфликту с собственным окружением и Западом – по вековечному русскому принципу «авось пронесет».

И, поскольку коррупционная опухоль рассасывается сама собой еще реже обычной, в этом случае Путин сам, своими руками ввергнет Россию уже не только в политический, а во всеобъемлющий, системный кризис, и следующее поколение лидеров будет проводить модернизацию не только без него, но и прямо против него.

Причем, поскольку системный кризис даже в самом мягком своем проявлении – явление страшное, Путин на фоне этих новых лидеров действительно будет казаться гуманистом, демократом и просто всесторонне образованным человеком.

Но категорически необходимую для России модернизацию, если Путин откажется от нее, осуществят именно они.

Хватит ли путинского инстинкта самосохранения на исполнение его прямых служебных обязанностей – открытый вопрос. Мы не можем ответить на него сегодня – и, соответственно, не можем и понять со сколь-нибудь удовлетворительной точностью, удастся ли нам избежать разрушительного системного кризиса или нет. Это значит, что, делая все для того, чтобы дополнительно разъяснить нашему многими все еще уважаемому руководству его положение и единственность описанного способа сохранения своей жизни, мы должны одновременно энергично и продуманно, не покладая рук готовиться к системному кризису, неизбежному, если, - а весьма вероятно, что и когда, - нас не послушают... Не знаю, от чего умрет наше поколение, - мы оптимисты и намерены жить долго, - но точно не от скуки. ▲